

и Вел. Ленинград
1976, 17 июня

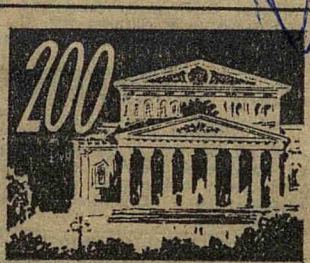
ДЕВЯТЬ муз было в древнегреческой мифологии. Они во главе со своим покровителем Аполлоном украшают плафон в зрительном зале Большого театра Союза ССР, символизируя творческую многогранность нашей оперной и балетной академии. Богата она и талантами, которые наряду с профессиональными успехами добились плодотворных результатов и в других видах искусства.

На первое место по популярности нужно поставить живопись. Но, хотя ею в свободное от работы время увлекаются и певцы, и артисты балета, и музыканты, все же больше всего художников-любителей в балете. Это непосредственно связано с их главным занятием, со сценической практикой. Рисунок, графика, портрет не только приятное развлечение во время отдыха — они составляют прекрасную основу для выражения пластического образа.

Когда в 1964 году в Большом театре шли репетиции балета «Лейли и Меджнун» Сергея Баласаняна, балетмейстер Касьян Голейзовский, знакомя исполнителей со своим замыслом, часто показывал им рисунки, сделанные перед репетицией. В них было схвачено главное — ярко и выразительно отображены хореографические особенности разучиваемой сцены. Делал эти карандашные наброски Голейзовский профессионально — в молодости в свободные часы он учился живописи и рисунку в Строгановском училище живописи и ваяния.

Прошло несколько лет, и мы увидели балет «Икар» Сергея Слонимского, поставленный Владимиром Васильевым. Еще Голейзовский под-

ВТОРОЕ ПРИЗВАНИЕ

ГАСТРОЛИ
В ЛЕНИНГРАДЕ

метил в нем задатки обещающего балетмейстера, недаром их репетиции временами превращались в совместное творчество. «Икар» — премьера состоялась в 1971 году — был первой самостоятельной постановкой Владимира Васильева. Чтобы четче и ясней выстроить для себя хореографический текст балета, Васильев тоже обращался к рисованию, набрасывая многочисленные варианты той или иной сцены.

Увлекается живописью и Михаил Лавровский. В детстве он даже мечтал стать художником. Но профессии матери — балерины Елены Чикваидзе и отца — балетмейстера Леонида Лавровского предопределили его будущее. Михаил тоже связал свою жизнь с искусством танца. И балет — основная тема графических работ Михаила Лавровского. У него есть рисунок, который он сделал сразу же после выступления в балете «Спартак». Это «Фригия» — портрет назван по имени сподвижницы Спарта-

ка. Интересен эскиз к сцене восстания в балете «Пламя Парижа»: народ из парижских предместий с оружием и флагами в руках. А в 1976 году у Лавровского появились рисунки на сюжет задуманного им балета «Мицри» на музыку Давида Торадзе.

Как Васильев, так и Лавровский с искренней теплотой вспоминают репетиции балета «Лейли и Меджнун», когда Голейзовский увлекал их поистине энциклопедической эрудицией, когда одним из проявлений ее становился рисунок. Однако хореография — не единственная тема мастеров балета, занимающихся на досуге живописью. Васильев рисует пейзажи, обычно подмосковные, и натюрморты, Лавровский — достопримечательности городов, где ему пришлось побывать.

Бережно хранят Наталья Седых и Михаил Цивин наброски, сделанные еще в пору их юности — в Московском хореографическом училище, которое они окончили в 1967 году. В партии Сваниды в балете «Тщетная предосторожность» запечатлела Наташа балерину Мирту Пла — одну из звезд кубинского балета, приехавшего на гастроли в Москву, Цивин в память о сценической практике в Большом театре нарисовал Сергея Коренья в партии Меркуцио из балета «Ромео и Джульетта». Этот рисунок как талисман он брал с собой в театр, когда в 1972 году сам танцевал эту партию. Интересны рисунки Натальи Седых к балетам «Жизель», «Спящая красавица»,

«Анна Каренина». Много добра, тепла и света в ее акварелях, посвященных героям сказок «Морозко», «Белоснежка и семь гномов», «Красная Шапочка».

Кисти Михаила Цивина принадлежит портрет Майи Плисецкой. Это лучшее его произведение. Лицо балерины будто бы высветил луч театрального прожектора. Чувствуется, что она взволнована сценическим действием, углублена в переживания своей героини. Кто она — Джульетта, Кармен или Анна Каренина? Художник не дает однозначного ответа, он как бы обобщает богатый духовный мир балерины.

Цивин отдает предпочтение портрету, стараясь не просто добиться внешнего сходства, а передать настроение. Иногда это удается сразу, иногда

приходится откладывать карандаш или кисть в сторону и ждать... Опыт научил Цивина, что второе призвание тоже требует каждодневного внимания, как и балетные классы, иначе выйдешь из формы. Он следует этому правилу даже в периоды работы над новыми ролями, зная, каким важным подспорьем являются бумага и карандаш в поисках танцевальной характеристики героя.

В пользу этого свидетельствует и графика Михаила Габовича. Красс («Спартак»), Ромео («Ромео и Джульетта»), Злой Гений («Лебединое озеро») до их сценического воплощения тоже появились у него в карандашных набросках. Из разных вариантов он выбирал наиболее композиционно законченные и, сделав рисунок-обобщение, ис-

пользовал его как руководство к действию во время спектакля.

К «графической партитуре» исполняемых ролей обращаются, хотя и реже, оперные певцы. Рисунки Александра Ведерникова на театральные темы свидетельствуют, как органично и естественно сочетается в нем талант актера с даром рисовальщика. Почти всех своих героев — от Анджелотти («Тоска») до барона Вурмергельма («Игрок») нарисовал Юрий Королев.

С 1972 года ведет художественную летопись оперных и балетных представлений монтировщик декораций Виктор Чернов. Точными и легкими штрихами, эпизод за эпизодом фиксирует он ход сценического действия. Эти зарисовки документальны и выразительны, ярко передают колорит отображаемых спектаклей. Чернов, с одной стороны, дает средствами графики строгое, последовательное изложение развития сюжета и, с другой, рисует целую серию портретов главных героев.

Пройдут годы, сменятся поколения артистов, их последователи впишут новые славные страницы в историю Большого театра. И всегда зрителям будут интересны непосредственные свидетельства не просто очевидцев, а самих участников театральной жизни. Художники-любители из Большого театра дают возможность увидеть ее с профессиональной точки зрения, как бы изнутри. И в этом — неповторимое очарование их эскизов, портретов, картин.

Б. ЛАВРЕНЮК,
корр. ЛенТАСС — специально для «Вечернего Ленинграда»

На снимках: рисунок Н. Седых «Балет» и рисунок М. Лавровского «Фригия».

